

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АРИСТОТЕЛЬ

Моника Канто-Спербер

Излагая в I книге *Метафизики* досократические и доплатоновские концепции, предшествовавшие его собственной доктрине, Аристотель прослеживает в наиболее существенных чертах историю греческой философии. Для него философия уже не только то, чем она была для Платона, — не только деятельность философствования, *philosophēin*/φιλοσοφῆν, мыслимая как целенаправленное отрешение от чувственного и устремление к умопостигаемому. Конечно, Аристотель неизменно рассматривает философию как бескорыстное исследование, движимое удивлением, любопытством и желанием знать, присутствующим каждому человеку, но благодаря его трудам философия в качестве дисциплины конституируется как частично организованная совокупность знаний, имеющая отношение к конкретному исследованию различных областей действительности. Аристотель первым из философов предложил организацию знаний, которая в известном смысле существует и поныне.

Очевидно, что во многом Аристотель расходится с Платоном, но тут требуются пояснения. Ведь Аристотель не только самый строгий критик, но и самый вдумчивый читатель Платона. Платоновское влияние — самое сильное духовное влияние, испытанное Аристотелем, и творчество его вписывается в историю философии, принявшую новое направление после разрыва Сократа и Платона с досократической философией. С другой стороны, определенное родство взглядов Аристотеля и Платона, которое первый, возможно, чувствовал в начале своего философского пути и вообще в течение двадцати лет, проведенных им в Академии, было ограниченным и всегда ослаблялось критикой; порой оно оборачивалось прямым отрицанием платоновской философии. Однако напомним, что в древности более поздние авторы не признавали никакой противоположности между Аристотелем и Платоном. Начиная с эпохи Среднего платонизма Платон и Аристотель, наряду с Орфеем и пифагорейцами, считались представителями *philosophia perennis*¹, и их воззрения противопоставлялись мате-

1. Вечной философии (лат.).

риализму эпикурейцев и стоиков. Философы-неоплатоники V–VI вв. н. э. были крупнейшими комментаторами наследия Аристотеля, поскольку ознакомление с аристотелевскими учениями предваряло преподавание философии Платона.

Аристотель отличается и от Платона, и от мыслителей-доплатоников (за исключением, быть может, Демокрита) поразительным многообразием своих научных изысканий. Это самый многоликий из философов Античности; предстывая как догматический философ, он вместе с тем не упускает случая сформулировать трудности и апории, которые делают его исследования, рассуждения и даже выводы неиссякаемым источником всевозможных вопросов и проблем. Аристотель замечателен своей способностью превращать всякую предметную область в область научного исследования; не менее удивительна и его способность систематизировать результаты своих исследований, пусть даже некоторые аспекты той или иной излишне подробной систематизации следует отнести скорее на счет аристотелизма, нежели самого Аристотеля.

Аристотель — это колосс античной мысли. Никто после него не мог соперничать с ним по широте научных изысканий и глубине философских исследований. Жизнь, не лишенная превратностей, смерть в полуизгнании, огромное влияние на многочисленных учеников, преемники, весьма разнящиеся по числу в разные исторические периоды, — личность Аристотеля отображает в себе завершающую эпоху классической греческой философии.

СТАГИР, АФИНЫ И ЛИКЕЙ

Основные факты биографии Аристотеля дошли до нас из различных источников. Самый надежный среди них — *Жизнь Аристотеля*, написанная неизвестным александрийским автором III–II вв. до Р. Х.; эта биография, вероятно, послужила главным источником сведений, которые сообщает Диоген Лаэртский, автор II или III в. по Р. Х., в посвященном Аристотелю разделе сочинения *О жизни философов*. Аристотель родился в 385 или 384 г. до Р. Х., более чем на сорок лет позднее Платона, в Стагире (ныне Ставрос), городе, расположенном в северной части полуострова Халкидика, на востоке Македонии, недалеко от горы Афон (см. карту I б). По месту рождения нашего философа принято называть Стагиритом. Но Аристотель не был маке-

донянином (в строгом смысле слова, т. е. по происхождению). Стагир, родной город Аристотеля, был очень древней колонией Халкиды — города на Эвбее, и населяли его греки. Города Халкидики долгое время оставались под управлением Афин; завоевав свободу, они попытались основать независимый союз. Этой попытке воспрепятствовало вмешательство спартиатов. В конце концов Халкидика подпала под власть Македонии; полуостров был присоединен к Македонскому царству в 346 г., через два года после падения Олинфа в 348 г.

Мать Аристотеля была уроженкой Халкиды Эвбейской. Отец нашего философа, Никомах, принадлежал к тем потомкам Асклеиада, которые возводили свой род к богу врачевания Асклепию и у которых врачебное искусство передавалось от отца к сыну. Никомах занимался медицинской практикой при македонском дворе, где он состоял на службе в основном у Аминта III, царя Македонии с 393 по 369 г., чей внук, Аминт IV, слишком юный, чтобы править страной, будет отлучен от престола своим дядей, Филиппом II, отцом Александра Македонского. Никомах умер, когда Аристотель был еще совсем юным. Быть может, это объясняет, почему Аристотель не стал по примеру отца врачом. *Суда*, византийская энциклопедия X в. по Р. Х., приписывает отцу Аристотеля два сочинения — одно по медицине, другое по физике. Таким образом, возможно, что Никомах был не только практиком, но и теоретиком врачебного искусства и тяга Аристотеля к философии наук была отчасти унаследована им от отца.

В 366/365 г. Аристотель отправился в Афины; там он стал посещать Академию Платона, основанную двадцатью годами ранее. В 392 г. в Афинах была открыта также школа политических ораторов, возглавляемая Исократом. Аристотель прибыл в Академию в пору первого пребывания Платона при дворе Дионисия II, сиракузского тирана, когда управление школой временно перешло к Евдоксу. В Академии Аристотель пробыл двадцать лет, до смерти Платона, с семнадцатилетнего до тридцатисемилетнего возраста. Сначала он был там учеником, потом стал преподавать — возможно, риторику. В течение всего этого времени Аристотель, по-видимому, был дружен с Платоном, о чем свидетельствует восхваление, которое содержится в элегии, написанной им в память своего соученика Евдема Кипрского (фр. 623 Rose 1831 (2-е изд.) = фр. 673 Rose (3-е изд.) = *Carmina* 2, Ross, p. 146: Олимпиодор, в *Комментарии к «Горгию»*

Платона § 41. 9 Westerink, p. 214, 1.13). До конца своего пребывания в Академии Аристотель, видимо, усваивал, по крайней мере частично, положения платоновской философии. В написанных впоследствии сочинениях, упоминая об академическом сообществе, он иногда употребляет первое лицо множественного числа. Но это мало что значит. Аристотель мог довольно долго ощущать себя членом платоновской школы и тем не менее не принимать доктрину Платона. Если когда-либо существовал «платонизм» Аристотеля, он, вероятно, всегда сопровождался оговорками или критикой, особенно в отношении теории идей; такая критика, впрочем, свободно высказывалась в стенах Академии, где отнюдь не царил ортодоксизм. Итак, есть все основания полагать, что это первое длительное пребывание в Афинах — начальный этап духовного развития Аристотеля.

После смерти Платона в 347 г. (это был и год разрушения Стагира Филиппом II) Аристотель покинул Академию и Афины. Возможно, он рассчитывал стать преемником Платона и его постигло разочарование, когда главой Академии оказался племянник Платона Спевсипп. Нам неизвестно, кем было принято решение избрать Спевсиппа — самим Платоном или же членами Академии. Не знаем мы и того, чем объяснялся этот выбор, — может быть, желанием, чтобы собственность Платона осталась в его семействе. Во всяком случае, несомненно, что в качестве возможных преемников наряду со Спевсиппом рассматривались Аристотель и Ксенократ. Причем маловероятно, чтобы кандидатура Аристотеля была отклонена из-за недостатка ортодоксии, поскольку Спевсипп также отвергал классическое понимание теории идей, а Ксенократ, тоже не удостоенный преемничества, кажется, был самым ортодоксальным платоником (впрочем, в 339–338 гг. он станет преемником Спевсиппа, третьим схолярхом Академии). Не исключено, что Аристотель оставил Академию просто потому, что вынужден был покинуть Афины, обеспокоенный антимакедонскими настроениями, распространившимися после разграбления Олинфа в 348 г.

Но все это лишь догадки. Единственный достоверный факт — то, что в конце 347 г. Аристотель находился в Лидии — области на западе Малой Азии. С ним был Ксенократ, может быть, его неудачливый соперник в наследовании должности схоларха. Оба они, вероятно, откликнулись на приглашение

своего давнего соученика по Академии Гермия, ставшего тираном Атарнея. На побережье Малой Азии появились многочисленные платонические кружки, в особенности в Троаде — в Скепсисе и Ассосе. В Ассосе Аристотель и провел следующие три года. Возможно, именно там он познакомился с Теофрастом из Эреса, который в дальнейшем стал его сотрудником и другом, а затем и преемником во главе Ликия, философской школы, основанной Аристотелем в Афинах (несколько лет спустя). Пребывание в Ассосе, по-видимому, совпало с периодом напряженной философской деятельности: Аристотель постепенно утверждал свою независимость от платонизма. В эти годы он занимался также биологическими изысканиями и проявлял живой интерес к естественным наукам.

Период жизни Аристотеля, последовавший за тремя годами пребывания в Троаде, менее известен. Философу, вероятно, пришлось покинуть Ассос тогда, когда был казнен выданный персам Гермий. Из Ассоса Аристотель отправился в Митилею, затем на остров Лесбос. Там он вместе с Теофрастом проводил многочисленные научные исследования. По-видимому, именно в эту пору он женился в первый раз — на Пифиаде, родственнице Гермия. В 343/342 г. македонский царь Филипп пригласил Аристотеля воспитывать своего сына Александра, которому было тогда четырнадцать лет. Чем руководствовался Филипп, можно только гадать. Сорокалетний Аристотель еще не основал собственной школы, но уже пользовался определенной известностью. На этот выбор, видимо, повлияли и старые связи семейства Аристотеля с македонским двором, и то, что Аристотель учился в платоновской Академии, школе, которая в те времена славилась широкими исследованиями в сфере государственного правления. Диоген Лаэртский пишет, что Аристотель попросил Филиппа II восстановить его родной город Стагир, разрушенный несколькими годами ранее, и просьба была удовлетворена (V, 4).

Трудно судить, какие отношения сложились между наставником и учеником и какое влияние Аристотель мог оказать на Александра в течение семи или восьми лет, проведенных рядом с ним. Знал ли Аристотель о властолюбии Александра? Имел ли хоть какое-то представление о его завоевательных планах? В каталоге трудов Аристотеля значится сочинение *Александр, или О поселенцах*. Но после восшествия Александра на престол Аристотель, по-видимому, почти утратил связь

со своим прежним учеником. На их отношениях наверняка отразилось одно важное событие. Каллисфен, родственник Аристотеля, ставший другом Александра и сопровождавший его в Персию как историограф, был казнен по приказу последнего в 327 г. будто бы за измену. В действительности единственная вина Каллисфена, очевидно, состояла в том, что он отказывался поклоняться Александру, словно восточному деспоту, как того требовал македонский царь от своих греческих подданных. Может быть, Александр заподозрил Аристотеля в сочувствии мнимому заговору, замышляемому Каллисфеном. Не забегая вперед и не вдаваясь в подробности политических теорий Аристотеля, можно сразу сказать: весьма маловероятно, чтобы Аристотель испытывал симпатию к деспотическому режиму Александра. Напомним, что годы правления Филиппа и Александра — это время, когда Македонское царство постепенно лишало независимости малые греческие города-государства, пока не установило своего господства над всем греческим миром. Космополитизм империи Александра, стремившегося объединить греков и негреков, и упадок города-государства, к которому неизбежно должно было привести македонское владычество, несомненно, противоречили политическим идеям Аристотеля. В ныне утерянном сочинении *Александр, или О поселениях*, вероятно, разъяснялось природное различие между греками, призванными жить свободно в подлинных политических образованиях, и варварами, обреченными деспотизму и рабству.

В *Жизнеописании Александра Великого* Плутарх немало страниц посвящает повествованию о том, что перенял Александр у Аристотеля; здесь упоминается, в частности, об исправленном Аристотелем списке *Илиады* Гомера — называемом «*Илиадой из шкатулки*», так как список содержался в ларце; Александр всегда возил его с собой и клал под подушку вместе с кинжалом (8, 2). Если не считать этого «зеркала князей», влияние Аристотеля на Александра, похоже, было ничтожно малым. Так или иначе, мы практически ничего не знаем об общей жизни этих двух людей в течение семи или восьми лет. Рассказ, что Александр будто бы до самой смерти посылал Аристотелю образцы редких животных или растений из Персии или Индии, в высшей степени сомнителен. Когда Аристотель называет свои источники биологических сведений, он ссылается на путешественников предыдущего поколения (особенно на гре-

ка Ктесия, который был придворным врачом персидского царя Артаксеркса, старшего брата Кира). К тому же, если Аристотель и получал образцы, это продолжалось всего несколько лет — от начала похода Александра в Индию до того, как Аристотель оставил Ликей.

В десятилетний период пребывания при македонском дворе Аристотель после смерти Пифиады вторично женился, на Герпиллиде; она родила ему сына Никомаха, которому посвящена *Никомахова этика*, и дочь. В 336 г., когда погиб Филипп и Александр стал царем, Аристотель покинул Македонию. Год спустя, в 335 г., он вновь оказался в Афинах. Здесь у него был статус «метека», или «временного гражданина», с соответствующими этому статусу ограничениями: он не имел права ни приобретать земельную собственность, ни участвовать в политической жизни. Около 335 г. он открыл собственную школу, Ликей, на земельном участке, приобретенном одним из его друзей. Возможно, Аристотель ожидал смерти Спевсиппа, прямого преемника Платона, и когда в 336 г. его сменил Ксенократ, принадлежавший к тому же поколению, что и Аристотель, он наконец решился «институционально» порвать с Академией, создав конкурирующую школу. Ликей прежде был святилищем и гимнасием рядом с храмом Аполлона Ликейского. Аристотель стал собирать там своих учеников; до него в Ликее вели беседы с учениками и другие философы, например Сократ (см. Платон. *Лисид*, 203 b), и даже софисты (*Евтидем*, 271 a). Во главе Ликейя Аристотель оставался более двенадцати лет (с 335 по 323 г.).

Чем было вызвано желание Аристотеля основать школу? Предпринятые им научные исследования, особенно в области биологии и истории, и обширная энциклопедическая программа, которую он, должно быть, задумал уже давно, безусловно, требовали присутствия сотрудников и учеников. Кроме того, философское умозрение Аристотеля строилось на вопросах, возражениях и примерах. Наконец, его подход к прояснению проблем, его обыкновение учитывать различные способы постановки вопросов и свойственная ему манера формулировать возражения внутренне предположали отношение преподавания. У нас нет никаких достоверных сведений относительно организации курсов и общей системы преподавания в Ликее; но нам известно, что здесь регулярно читались публичные лекции. Большинство главных курсов, без сомне-

ния, базировалось на исследовательских работах, проводимых совместно с учениками. Поскольку при Ликее, как почти при всех гимнасиях, было место для прогулок (*peripatos/peripatos*), школа Аристотеля издревле стала называться перипатетической школой (а сами аристотелики — «философами-перипатетиками», буквально — «прогуливающимися»), вероятно потому, что Аристотель преподавал свои доктрины, по крайней мере частично, прогуливаясь с учениками. Но многие вопросы остаются без ответа: занимались ли учащиеся Ликее по какой-либо программе, поступала ли от них плата, какой образ жизни они вели в школе? Возможно, что Ликей вначале был не столько школой в собственном смысле слова, сколько исследовательским и образовательным центром. Действительно, лишь после смерти Аристотеля, уже под управлением Теофраста, Ликей приобрел свойства и статус объединения. Хотя Ликей, по-видимому, обладал менее строгой организацией, чем Академия, он все же способен был координировать многочисленные исследования в различных областях науки.

Аристотель так и не стал афинским гражданином, несмотря на его известность и невзирая на то, что в этом городе он провел большую часть своей активной жизни. С другой стороны, хотя он был греком из Стагира и в прошлом наставником Александра, нет никаких оснований думать, что Аристотель когда-либо исполнял в Афинах роль более или менее официального представителя македонян. У него, однако, сохранилось много македонских друзей, и он даже сделал своим душеприказчиком Антипатра, наместника Македонии в Греции. Наверное, этого достаточно, чтобы понять, почему имя Аристотеля, афинского метека, осталось связанным в общественном мнении с македонской партией.

В 323 г., когда умер Александр, в Афинах, конечно же, испытывавших ностальгию по своей былой независимости, оживились антимакедонские настроения. Вновь окрепла национальная афинская партия, по-прежнему возглавляемая Демосфеном. Аристотель, видимо, был встревожен. Ведь его считали членом промакедонской группировки. Против него выдвинули беспочвенное обвинение в кощунстве: вспомнили написанное им двадцать лет назад стихотворение на смерть Гермия, где он будто бы обожествлял умершего друга. Так как осуждение было неминуемым, Аристотель предпочел покинуть Афины, возложив попечение о Ликее на Теофраста. Перед отъездом

он заявил, что не желает, чтобы афиняне вторично совершили преступление перед философией, — первым преступлением был суд над Сократом и вынесенный философу смертный приговор (Элиан. *Пестрые рассказы* III, 36). Аристотель отправился на Эвбею, в метрополию своего родного города Стагира — город Халкиду, откуда происходила семья его матери. Там он обосновался в полученном в наследство от матери поместье, жил довольно уединенно и умер осенью 322 г. в возрасте 62 лет. Самоубийство Демосфена, в том же году, предвзоветило конец сопротивления македонскому господству над греческими городами. Зрелая жизнь Аристотеля была свидетельством неизбежного упадка независимого города, в котором этот философ усматривал самую совершенную форму государственной организации, а также свидетельством возрастающей власти македонской монархии над Грецией и распространения греческого мира до берегов Инда.

Эти биографические сведения в действительности слабо освещают личность и философскую натуру Аристотеля. Древняя биографическая традиция рисует его человеком утонченным: он любил красивую одежду, пишет Диоген Лаэртский, и носил перстни, волосы у него были коротко острижены по тогдашней моде (V, 1). Сохранилось несколько предполагаемых бюстов Аристотеля. Черты лица красивы и правильны, во всем облике — выражение духовной силы. Согласно биографической традиции, к которой следует относиться с осторожностью, недруги считали его надменным и самодовольным; Диоген Лаэртский отмечает, что он немного шепелявил. Завещание Аристотеля, приведенное у Диогена Лаэртского (который пользовался собранием завещаний философов), говорит о нем как о человеке, заботящемся о том, чтобы обеспечить будущее своих детей и рабов. Аристотель делает распоряжения и в пользу второй жены, Герпиллиды, напоминая о ее добром отношении к нему; при этом он изъясляет теплые чувства к первой жене: велит поместить его прах в одну урну с прахом Пифиады, во исполнение ее собственной воли.

Сочинения Аристотеля дают нам больше материала для воссоздания, в самых существенных чертах, личности философа. Аристотель, очевидно, был выдающимся оратором, умеющим найти точные и убедительные слова. По-видимому, он высоко ценил дружбу. Но основа его духовной личности — это, несомненно, страсть к познанию, стремление разгадать тай-

ны мироздания и преумножить человеческое знание. О таком стремлении сказано в первых строках *Метафизики*: «Все люди от природы стремятся к знанию»¹. Деятельность разума, в смысле интеллектуального исследования, мыслится здесь как подлинно человеческая активность. Она позволяет достичь наивысшей формы человеческого счастья — жизни, целиком отданной философской деятельности и умозрению. Убежденность в этом предназначении человека, исходящая от сочинений Аристотеля, претворилась в одно из наиболее общих положений его философии.

Думается, она движет Аристотелем на всем протяжении его духовного пути. В *Протретики*, или *Побуждении к философии*, одном из первых своих произведений, он говорит: «Обретение мудрости приятно. Все люди счастливы, когда занимаются философией, и хотят проводить время философствуя, оставив в стороне все прочее» (фр. 52 Gigon = В 56 Düring, приведено у Ямвлиха, *Протретик*, 40, 20 — 41, 2). Под философской деятельностью Аристотель подразумевает не род экстаза и не исследование, осуществляемое в собеседовании с самим собой, а страстное искание истины — в одиночку или вместе с другими, — позволяющее наиболее полно реализовать потен-

1. Пер. А. В. Кубицкого.

Переводы цитат из произведений Аристотеля, вошедших в издание: Аристотель. *Сочинения в 4-х т.* М., 1975–1984 (серия «Философское наследие — «ФН»), даются в основном по этому изданию, в котором содержатся как уже опубликованные ранее переводы, заново сверенные и подвергшиеся правке, так и переводы, выполненные специально для указанного издания.

«Метафизика» — перевод А. В. Кубицкого (М.—Л., 1934).

«О душе» — перевод П. С. Попова (М., 1937).

«Категории» — перевод А. В. Кубицкого (М., 1939).

«Об истолковании» — перевод Э. Л. Радлова (СПб., 1891).

«Первая Аналитика», «Вторая Аналитика» — перевод Б. А. Фохта ([Л.], 1952).

«Толика» — перевод М. И. Иткина.

«О софистических опровержениях» — перевод М. И. Иткина.

«Физика» — перевод В. П. Карпова (М., 1936).

«О небсе» — перевод А. В. Лебедева.

«О возникновении и уничтожении» — перевод Т. А. Миллер.

«Метеорологика» — перевод Н. В. Брагинской.

«Никомахова этика» — перевод Н. В. Брагинской.

«Большая этика» — перевод Т. А. Миллер.

«Политика» — перевод С. А. Жебелева (М., 1911).

«Поэтика» — пер. М. Л. Гаспарова (*Аристотель и античная литература*. М., 1978).

Особые случаи оговариваются в примечаниях.

циал благороднейшей из способностей человека — способности мышления и умозрения.

Как не противопоставить жизнь Аристотеля жизни Платона? Один философ — афинский гражданин, аристократ, другом — греческий метек, обосновавшийся в Афинах. Платон сделал философию началом политики и безуспешно попытался приобщить к мудрости двух сиракузских тиранов, но все же прожил главную часть своей жизни, если не считать сицилийского опыта, в плодотворном покое Академии. На Аристотеля же была официально возложена миссия руководить воспитанием того, кому выпало стать одним из самых незаурядных властителей Древнего мира, властителем, чьи государственные свершения будут противоречить воззрениям и помыслам Аристотеля. Биография Аристотеля, конечно, более насыщена событиями по сравнению с биографией Платона, но, за исключением нескольких месяцев, проведенных в изгнании, Аристотель в последние десять лет своей жизни был, как и Платон, главой школы, и, подобно Платону, он посвятил жизнь наблюдениям, исследованиям и рефлексии. Наконец, одно из главных различий между двумя величайшими философами Античности касается судьбы их сочинений. Платон известен нам по своим опубликованным произведениям, но учение его в значительной мере утрачено. Наследие Аристотеля постигла противоположная участь. До нас дошли в основном заметки, которыми Аристотель пользовался в процессе преподавания, но почти все его литературное наследие, где нашел воплощение выдающийся талант писателя, погибло. Об этих несхожих судьбах стоит рассказать подробнее.

ДВУЛИКОЕ ТВОРЧЕСТВО С ПАРАДОКСАЛЬНОЙ СУДЬБОЙ

Наследие Аристотеля было обильным и весьма разнообразным. Согласно древней традиции, оно включало многочисленные труды или разделы трудов, из которых в нашем распоряжении сейчас всего сто шестьдесят два текста (из них надо еще вычесть апокрифы). Самый полный сохранившийся каталог трудов Аристотеля, где значатся почти все заглавия дошедших до нас сочинений, а также многих других, ныне утраченных, — это фрагмент Содержания, которым Андроник, ученый I в. до Р. Х., первый издатели текстов Аристотеля, снаб-

дил свое издание. Разнообразие трактуемых предметов огромно: мы видим здесь, например, произведения, озаглавленные *О справедливости, О поэтах, О философии, О богатстве, О душе, О видах и родах, Об отфеделениях, О магните, Об олимпийских победителях* и др. Все они погибли. Сравнивая имеющееся у нас собрание трудов Аристотеля с этим каталогом, мы видим, что потери велики и что утрачены по большей части сочинения, предшествующие тому времени, когда Аристотель возглавил Ликей.

Итак, судьба была немилостива к наследию Аристотеля. После всех превратностей до нас дошла только малая (приблизительно пятая) часть его столь многочисленных сочинений. Эта оставшаяся часть, разумеется, несопоставима по своему разнообразию с упомянутым каталогом, но все же она красноречиво говорит о невероятной широте интересов Аристотеля, и мы можем представить себе изначальное богатство его наследия.

Труды Аристотеля и Теофраста «обнаружили» в I в. до Р. Х., через два столетия после того, как они были написаны. Согласно сообщению Страбона (*География* XIII, 1, 54: изд. Casaubon, p. 609), воспроизведенному с дополнениями у Плутарха, в *Жизнеописании Суллы*, во время войны с Митридатом Сулла «забрал себе библиотеку теосца АPELLIKOHA, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнаружил их и составил указатели, которыми пользуются и поныне» (*Жизнеописание. Сулла*, 26, 1–2)¹. Андроник составил каталог произведений Аристотеля, написал оглавления многих его книг и приступил к изданию его наследия, каким оно известно нам в настоящее время. Наверное, у него не всегда была легкая рука и он исправил, поменял местами, переписал некоторые тексты, включив в них пояснительные комментарии. Андроник, прежде всего, постарался распределить предоставленные ему тексты разных периодов по крупным рубрикам знания, указанным Аристотелем, а именно: физика, этика, политика, биология. Это значит, что порядок сочинений в издании Андроника хотя и обусловлен

1. Пер. В. М. Смирин.

внутренними критериями, установлен издателем и не может считаться полностью соответствующим тому, как подразделял Аристотель свои труды. Разбивка текстов на группы и названия, данные различным группам, являются вероятными, но нет никаких оснований думать, что они отражают замысел Аристотеля.

Об этом со всей ясностью свидетельствует само заглавие *Метафизика*. Так издатели Аристотеля назвали собрание текстов, которые в издании Андроника следуют «после» трудов по физике и трактуют о более возвышенных предметах, — префикс *meta* может означать и «после» (в педагогическом порядке изложения), и «выше» (по достоинству). Однако мы не знаем, действительно ли Аристотель — автор всех текстов, составляющих *Метафизику*, и сомнительно, чтобы он мыслил их как части единого произведения. Зато достоверно известно, что Аристотель никогда не употребляет термина «метафизика» и что, обращаясь к вопросам, охватываемым этим предметом — постольку, поскольку он признает их единство, — он пользуется главным образом общим названием «первая философия». Но такова уж сила привычки, что термин «метафизика», который, повторяем, первоначально служил для уточнения места этого произведения в фундаментальном издании Аристотеля, стал обозначать совокупность предметов, о которых трактуется в текстах, объединенных под этим заглавием (и которые традиционно считались «выше» объектов физического мира). Другой пример — заглавие *Органон*, данное совокупности логических трактатов Аристотеля. Нет никаких подтверждений того, что Аристотель задумал эти трактаты как единое целое. Наконец, первую часть *Органона* — трактат *Категории*, где исследуются, кроме всего прочего, основные смыслы понятия «субстанция», можно было бы с таким же успехом рассматривать и как произведение, отчасти относящееся к первой философии.

Что же произошло в течение трех веков, со времени смерти Аристотеля до издания Андроника? Древние авторы задавались этим вопросом, и вот какова в нескольких словах самая распространенная версия развития событий. Теофраст, преемник Аристотеля во главе Ликей, а затем Нелей из Скепсиса унаследовали библиотеку Аристотеля, в которой находились и его рукописи. После смерти Нелея наследники его, опасаясь алчности правителей Пергама из династии Атталидов, повсюду

ду выискивавших книги для своих библиотек, вынуждены были ради сохранности наследства спрятать все свитки из этой библиотеки в погреб. Там они и пролежали около сотни лет, до того времени, когда упоминаемый у Плутарха АPELLIKON из Теоса, наемный офицер Митридата, перевез их в Афины и поспешил сделать копии и осуществить издание, не позаботившись об исправлении испорченных мест. Конец истории мы уже знаем. Сулла перевез библиотеку АPELLIKONA в Рим и распорядился издать тексты Аристотеля, что и было исполнено Андроником. Это, по сути, единственный достоверный факт из всего рассказа: Андроник Родосский, одиннадцатый схолярх Ликей от его основания, осуществил, в I в. до Р. X., приемлемое издание сочинений Аристотеля. Все остальные сведения о судьбе произведений Аристотеля в большей или меньшей степени сомнительны.

Рассказ о временном исчезновении рукописей Аристотеля, будь он достоверным, объяснял бы слова Плутарха, что «старшие... перипатетики сами по себе были, видимо, людьми умными и учеными, но из сочинений Аристотеля и Теофраста знали, кажется, немного, и то не слишком хорошо...» (Плутарх. *Жизнеописание. Сулла*, 26, 3)¹. Однако ни один специалист сегодня уже не верит в эту историю; есть все основания полагать, что ее во многом придумал Андроник, по-видимому, желая возвеличить свой труд издателя. В противном случае следовало бы считать верным замечание Плутарха о том, что трактаты Аристотеля оставались почти неизвестными, даже для учеников Ликей; пришлось бы также допустить, что после смерти Теофраста вплоть до I в. до Р. X. в распоряжение учащихся Ликей и его филиалов (таких, как, например, школа Евдема на Родосе) не было предоставлено ни единой копии текстов Аристотеля. А это невероятно. К тому же есть основания думать, что Александрийская библиотека располагала копиями сочинений Аристотеля. Возможно, не все его труды имели хождение, но нельзя сказать, что сочинения его были неизвестны. В рассказе, который передает Плутарх, правдоподобно, в сущности, одно: не опубликованные прижизненно сочинения Аристотеля были доступны только учащимся Ликей и ученым. Таким образом, можно констатировать, что издание Андроника представило публике в систематизированном виде эзотери-

1. Пер. В. М. Смирин.

ческие трактаты Аристотеля через несколько веков после их написания.

Судьба корпуса сочинений Аристотеля довольно необычна, поскольку он дошел до нас не в той форме, какую придал ему автор. Необходимо также подчеркнуть, что сочинения, дошедшие до нас в условиях поистине исключительных, — не те, какие Аристотель хотел распространить среди читающей публики своего времени. Это влечет за собой важное следствие, которое надо постоянно держать в памяти. Философская личность, выявляющаяся из эзотерических трудов Аристотеля, обнаруженных в I в., не тождественна той, что была известна читателям IV и III вв., современникам философа. И даже к моменту выхода в свет издания Андроника образованная публика ценила не знакомого нам Аристотеля, а другого — автора диалогов, написанных в платоновской манере и отличающихся красотой литературной формы.

Творческое наследие Аристотеля делится на две части. Первая, так называемая эзотерическая часть, опубликованная Андроником, состоит из «трактатов» — философских или научных текстов, написанных чаще всего отрывистым и порой предельно лаконичным стилем, как если бы Аристотель делал записи для себя самого, готовясь к какой-то дискуссии или к прочтению лекции и нисколько не заботясь об изяществе слога. Эти трактаты, или лекции, предназначенные для учащейся аудитории, называются «акроаматическими» сочинениями — т. е. сочинениями, с которыми учеников знакомили путем устного преподавания. Так, выражение *Physikē akroasis* — название знаменитого труда Аристотеля, *Физики* — означает «Лекции о природе». Учащиеся Ликей, вероятно, располагали копиями таких записей к лекционному курсу или же копиями трудов школы, имевших хождение в кругу приверженцев Аристотеля. То, что эзотерическое творчество не было обнаружено и составляющие его трактаты обращались в основном внутри Ликей, парадоксальным образом способствовало его сохранности. Но, даже несмотря на ограниченное распространение, немаловажная часть акроаматических трактатов Аристотеля (документальные сочинения вспомогательного характера, доставлявшие материал для лекционных записей), а также специальных трактатов была утеряна. Возможно, что сама структура трактатов Аристотеля, состоящих из различных пластов и написанных иногда вместе с каким-нибудь уче-

ником или коллегой, устраняла последние сомнения у издатель Аристотеля (Андроника и его продолжателей), когда они вторгались в переданные им тексты.

Сжатый и местами эллиптический стиль текстов Аристотеля, которыми мы располагаем, таким образом, объясняется тем, что это были заметки или записи для памяти. В рассуждениях иногда пропущены средние звенья, цепочки выводов подлежат реконструкции, ритм речи неровный. Обусловлены ли эти стилистические особенности самим характером частных записок, предназначенных для личного пользования и, естественно, допускающих различного рода сокращения? Или же они определяют научный стиль, присущий Аристотелю? Даже в тех местах, которые кажутся более отработанными, мы обнаруживаем аналогичное стремление к экономности, краткости. Диоген Лаэртский, между прочим, отмечает, что, с точки зрения Аристотеля, философский стиль Платона, диалогический стиль, — средний между поэзией и прозой (III, 37), а сам Аристотель утверждает, что доказательство никогда не осуществляется через вопрошание (*Вторая Аналитика* XI, 77 а 32–35). Значит ли это, что Аристотель считал платоновский диалог, где задаются вопросы собеседнику, неподходящей для философии формой речи?

Трактаты Аристотеля, хотя в них нет ни изящества, ни динамичного единства платоновских текстов, однако не носят рапсодического характера. Доказательства, конечно, изложены очень сжато, но движение мысли в них совершенно ясно, и тексты в большинстве случаев дают замечательно последовательную трактовку рассматриваемых вопросов. Правда, кое-какие разъяснения, возражения и отступления, похоже, добавлены задним числом. Порой несколько избыточный и как бы слишком «педагогический» характер речи, по мнению некоторых историков, объясняется тем, что трактаты написаны не одним Аристотелем, но и каким-то прилежным учеником, присутствовавшим на его лекциях. В отдельных случаях такая гипотеза приемлема, но ввиду связности имеющихся в нашем распоряжении текстов она в общем маловероятна. Возможно, добавления были внесены в дошедшие до нас тексты Аристотелем или его учениками. Философский стиль Аристотеля предъявляет высокие требования к читателю. На него возлагается задача восстановить полные доказательства, реконструировать возражения, ответом на которые служат те или иные

доказательства или отступления, а также распознать значение различных аргументов одного ряда: одни аргументы приводятся только для иллюстрации, другие же — для обоснования, но Аристотель редко давал себе труд оговаривать эти различия.

Повторим: почти все дошедшее до нас наследие Аристотеля относится к описанному типу. Но эти сочинения в целом составляют, как принято считать, только пятую долю всего созданного Аристотелем. Другую часть его трудов, значительную по объему, составляют, как уже было сказано, в основном литературные произведения. Они сохранились лишь в виде «фрагментов» или цитат, встречающихся у других древних авторов. Исчезновение такого количества текстов можно объяснить тем, что эти сочинения, обнаруженные в большинстве своем при жизни Аристотеля, постигла печальная судьба произведений, широко распространенных в Античности: существование неточных и неполных копий, утрата оригиналов, постепенное накопление погрешностей переписки. В случае Аристотеля возможно также, что, «обнаружив» не экзотерическое наследие, уже не заботились об изготовлении новых копий других, обнаруженных, сочинений (которые читал Цицерон, в I в. до Р. X., и которые еще переписывал Ямвлих, в III в. по Р. X.).

При таком состоянии корпуса мы мало что знаем об экзотерическом творчестве философа, но древние авторы хвалили его литературную красоту. Цицерон сравнивает красноречие Аристотеля с золотым потоком (*flumen aureum*: Ross фр. 20 А = *Лукулл* XXXVIII, 119), Квинтилиан отмечает «изящество» и «сладкозвучие» его стиля. Эти сочинения, получившие в Античности столь высокую оценку, были, в отличие от специальных трактатов, широко доступными. Их определение как «экзотерических» связано с тем, что они «стали общим достоянием» или «имели хождение» (если перевести различные выражения, к которым Аристотель прибегает для характеристики своих произведений); предназначались они в основном для читателей, не входящих в число слушателей Ликеев.

У Аристотеля изредка встречаются намеки на двоякую природу его сочинений. Так, в *Никомаховой этике* он пишет: «О душе иногда удовлетворительно трактуется и в экзотерических рассуждениях, так что ими следует воспользоваться...» (I, 13,

ноз а 18–28)¹. В этом контексте выражение «экзотерические рассуждения» (logoi exōterikoi / λόγοι ἐξωτερικοί) допускает различные толкования; оно, конечно, может обозначать рассуждения других авторов, но вероятнее, что здесь подразумевается сочинение о человеческой душе, доступное более широкой публике, чем круг учеников Аристотеля, — возможно, то литературное произведение под заглавием *О душе*, или *Евдем*, которое вошло в античные перечни трудов Аристотеля. Когда Аристотель говорит, что какой-то вопрос рассматривается в произведениях этого типа, он, видимо, указывает главным образом на иной способ его обсуждения — не такой «технический», или «специальный», как в трактатах, однако у нас нет никакой информации о том, что последний способ он считал более верным или более адекватным, чем первый. Сочинения эти — «экзотерические» не по содержанию (в них не обязательно трактуется о предметах более легких или более доступных), а скорее по форме, не столько доказательной, или научной, сколько убеждающей, или диалектической. Это были преимущественно диалоги, вероятно двух видов: во-первых, свободные беседы, во-вторых, ораторские экспозиции, где после вводного диалога один из персонажей развивал мысль автора. В V книге *De Finibus* Цицерон так описывает различие между двумя родами текстов Аристотеля: «одни, написанные популярно, которые они называли *экзотерическими* [в тексте по-гречески], другие — более утонченно, и которые они сохранили в форме заметок... они, по-видимому, не всегда говорят... одно и то же, однако в самом главном у них нет никаких различий или несогласий...» (12)².

Поскольку экзотерические произведения Аристотеля известны нам лишь по фрагментам и цитатам у других авторов, чрезвычайно трудно составить себе верное представление об излагаемых там концепциях. Мы знаем, например, что Аристотель написал *Протфетик*, или *Побуждение к философии*, так как это название значится в древних каталогах и *Протфетик* Ямвлиха, автора III в. по Р. Х., восходит к аристотелевскому и содержит обильные цитаты из него. Мы знаем также, что *Протфетик* Аристотеля был известен Цицерону: Цицерон подражает ему в своем *Гортензии* (ныне потерянном произведении,

1. Взято за основу перевод Н. В. Брагинской.

2. Пер. И. А. Федорова.

которое Августин прочел по совету Амвросия). Но внимательное изучение произведения Ямвлиха позволяет осуществить лишь частичную реконструкцию оригинального текста Аристотеля; дело это тем более трудное, что мы не располагаем подражательным сочинением Цицерона. Поэтому всякая попытка восстановить исходя из фрагментарных сведений идеи и уж тем более стиль Аристотеля должна сопровождаться величайшими предосторожностями.

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ КОРПУС: ПОДЛИННОСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ

Наследие Аристотеля, которым мы располагаем, охватывает все известные в Античности науки. В нем отражено установленное самим Аристотелем различие между науками теоретическими, имеющими целью разные роды знания (математика, физика, теология, или первая философия), науками практическими, цель которых — деятельность (этика и политика), и науками поэтическими, занимающимися анализом продуктивных познаний, — к ним относятся поэтика (в собственном смысле, как сочинительское искусство) и риторика.

В аристотелевском наследии (напомним, что это в основном трактаты) обычно выделяют совокупность логических трудов, получивших название *Органон* (буквально: «орудие», «инструмент»). Сюда входят *Категории*, *Об истолковании* (о суждениях), *Первая Аналитика* (о силлогизме), *Вторая Аналитика* (о доказательстве), *Топика* (о способах обсуждения проблем) и *О софистических опровержениях* (два последних трактата, вероятно, написаны раньше обеих *Аналитик*). К этим работам примыкают *Риторика* и *Поэтика*.

Многие сочинения Аристотеля посвящены вопросам физики, понимаемой в греческом смысле слова — как исследование природы (или исследование происхождения, развития и статуса всех чувственных реальностей). Это восемь книг, составляющих так называемую *Физику* (наиболее ранние части которой — по-видимому, книги I, II, VII и VIII), *О небе*, трактат, судя по всему, довольно ранний, *О возникновении и уничтожении* и *Метеорологика* (или исследование о небесных телах).

Значительно и собрание биологических трудов Аристотеля. Оно включает, в частности, сочинения *История животных*, *О движении животных*, *Передвижение животных*, *О возникновении*

животных и др., а также трактат *О душе*, в котором излагается существо аристотелевской психологии. Кроме того, Аристотелю принадлежит ряд малых сочинений: *Об ощущении и ощущаемом*, *О памяти и припоминании*, *О сне и бодрствовании*, *О сновидениях*, *О пророчестве во сне*, *О долготе и краткости жизни* и др.

Под рубрикой *Метафизика* объединены почти все тексты Аристотеля, посвященные первой философии, понимаемой как онтология или теология. Это труд в двенадцати книгах, обозначенных заглавными буквами греческого алфавита. К ним добавлены книга α , своего рода вступление — возможно, работа Пасикла, племянника Евдема, и книга Δ , которая выглядит как философский словарь. Книги Z, H и Θ образуют трактат о субстанции. Книга K, вероятно неподлинная, представляет собой нечто вроде ученической тетради. Что касается книги Λ , то она сама по себе философский трактат большой глубины.

Последняя группа произведений Аристотеля состоит из сочинений, разрабатывающих практическую философию, или относящихся к области человеческой деятельности, т. е. к этике и политике: *Никомахова этика*, *Евдемова этика* (которую долгое время принимали за наиболее раннее сочинение, самое близкое к платоновскому периоду, — гипотеза, в наши дни вызывающая споры) и *Политика*. Книги VII и VIII *Политики* содержат теорию государства, каким его желал видеть Аристотель; книги I, II и III выполняют функцию общего критического введения; в книгах IV, V, VI представлены положительные политические исследования, базирующиеся на широком историческом обзоре. Долгое время считалось, что эти книги относятся к последнему периоду жизни Аристотеля, к тому времени, когда ему предложили описать государственное устройство полутора сотен городов, но возможно, что Аристотель предпринял свое грандиозное исследование, посвященное формам государственного устройства, гораздо раньше (до нас дошло только первое из его описаний, *Афинское государственное устройство*).

Вопрос о подлинности сочинений Аристотеля тесно связан с вопросом о хронологии его творчества и с интерпретацией выявляемых в нем различных стилей. Упорядочение Аристотелевского корпуса, которое у издателей I в. отвечало преимущественно дидактическим нуждам, школьные комментарии, составленные в тот же период в греческом, византийском и

исламском мире, наконец, развернувшаяся в латинские Средние века работа по истолкованию аристотелевских текстов придали аристотелизму облик систематической философии. Творчество Аристотеля было представлено так, что сохранялось единство духа и единство мысли; одни и те же тезисы в его сочинениях излагались единообразно.

Первым следствием такого подхода стало стремление исключить из Аристотелевского корпуса многие тексты, которые содержали положения, отличные от канонически аристотелевских, или же подавали канонические положения в неприемлемой форме. Главной жертвой подобного образа действий оказалось собрание экзотерических сочинений (или, вернее, фрагментов). С точки зрения их первого издателя, Валентина Розе (опубликовавшего их в 1870 г. в собрании сочинений Аристотеля, изданном Берлинской академией, а затем в 1886 г., в более полной версии, у Тойбнера), все эти сочинения были сомнительными. Но по той же причине из корпуса были изъяты и другие философски значимые тексты — такие, как *Категории* и *Евдемова этика*.

Дошедшие до нас сочинения и фрагменты сочинений Аристотеля еще оставляют поле деятельности для исследователей. Есть немало текстов, имеющих апоретический характер либо просто убеждающих, а не доказывающих. Кроме того, поскольку Аристотель рассматривается ныне как философ, чье мышление могло испытывать различные влияния и находить разные формы выражения в зависимости от периода творчества или от изучаемых проблем, теперь можно не отделять от строго аристотелевского наследия тексты, представляющиеся более проблематичными или менее ортодоксальными. Сегодня широко признается подлинность экзотерических сочинений и еще ряда текстов, которые до недавнего времени считались сомнительными. А вот трактат *Механика*, *Метеорологика* IV, некоторые книги *Истории животных* (в особенности книга X; многие современные авторы, наоборот, отстаивают подлинность книг VIII и IX), а также книга K *Метафизики* расцениваются как не удостоверенные в отношении подлинности. Подлинность *Большой этики* и по сей день остается спорной. Что касается *Проблем*, то это апокрифические тексты, вкравшиеся в собрание трудов Аристотеля и, вероятно, написанные учащимися Ликея. Но даже если некоторые тексты, как, например, *История животных*, не принадлежат

самому Аристотелю, эти произведения, однако, были плодом эмпирических изысканий, которые, без сомнения, проводились одновременно многими сотрудниками, и Аристотель, очевидно, играл важную роль в определении общего плана и метода работ.

Преобладающая вот уже целое столетие менее догматическая интерпретация творчества Аристотеля позволила также выдвинуть несколько гипотез о внутренней эволюции и внутренней трансформации его философии. В этом отношении издание *Метафизики*, осуществленное в 1912 г. историком и филологом Вернером Йегером, и особенно публикация в 1923 г. монографии Йегера *Аристотель. Основы истории его эволюции* (W. Jaeger. *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*) полностью изменили взгляд на аристотелевские исследования. Труд Йегера разрушал образ систематического и догматического Аристотеля, чьи сочинения составляли монолитную массу; автор предлагал рассматривать аристотелевскую мысль как непрерывный процесс развития. При отсутствии внешних критериев датировки опыт Йегера основывался единственно на тезисе о постоянной эволюции аристотелевской мысли, от экзотерических диалогов до эзотерических трактатов. Так впервые возникла общая гипотеза относительно того, как привести в соответствие периоды жизни Аристотеля, тип сочинений, которые он в это время писал, и выраженную в сочинениях каждого периода доминирующую философскую направленность. Поскольку единство Аристотелевского корпуса, каким он был издан в I в., является искусственным, книги Аристотеля, а иногда и части одной и той же книги, представляющие трудности или обнаруживающие внутреннюю несогласованность, можно отнести к разным периодам философского развития мыслителя, а не отвергать как испорченные. Если раньше противоречия в творчестве Аристотеля считались неустраняемыми, то исследовательская позиция Йегера, казалось, заключала в себе значительные ресурсы для разрешения трудностей.

Йегер делит творчество Аристотеля на три периода. Первый соответствует двадцати годам пребывания в Академии (где Аристотель отстаивал несколько критический платонизм, следы которого мы находим в *Евдеме* и *Протфретике*). Второй период — время странствий и пребывания в Ассосе, в Митилене и при македонском дворе. Это пора глубокого духовно-

го кризиса; в итоге Аристотель порывает с платонизмом. Теперь он посвятил себя почти исключительно метафизическим и эпистемологическим проблемам и задумал свои основополагающие доктрины — теорию субстанции и теорию четырех причин. По Йегеру, разрыв с платоновской философией произошел, когда Аристотель вернулся в Афины и учредил здесь Ликей. Разрыв этот совпал с переломным моментом, когда Аристотель оставил метафизические вопросы, чтобы посвятить себя главным образом организации эмпирических исследований и созданию замечательных собраний сведений, относящихся к биологии, к истории и к формам государственного устройства.

Само собой разумеется, что эта гипотеза об эволюции Аристотеля (которая, подчеркнем, впервые предлагает определенную интерпретацию — отказ от платонизма и развитие эмпиризма, — позволяющую увидеть в аристотелевском творчестве при всем его многообразии последовательность и связность) вызывала критику, совершенствовалась и порой опровергалась. Так, немецкий историк и философ Ингемар Дюринг (в своей книге *Aristoteles. Heidelberg, 1966*) показал, что не менее правдоподобна и противоположная интерпретационная гипотеза. Возможно, Аристотель очень рано решил отделиться от платонизма и найти свой собственный путь, а в дальнейшем, после смерти учителя, вернулся к концепциям, более близким к платоновской философии. В самом деле, многие работы последних десятилетий показали, что влияние Платона сохраняется в творчестве Аристотеля еще долгое время после его возвращения в Афины. Некоторые тексты, написанные, вероятно, в ликейский период, свидетельствуют о присутствии понятий и положений, еще связанных с платонизмом, как, например, понятие вечной, по крайней мере частично, души и мысль о существовании, в умопостигаемом мире, идей, обособленных от чувственного мира. С другой стороны, было также установлено, что Аристотель начал свои конкретные исследования задолго до возвращения в Афины и в течение всего периода странствий не прекращал эмпирических изысканий. Тот факт, что такие исследования были постоянной заботой философа, доказывается тем, что многие эмпирические сведения, приведенные в сочинениях Аристотеля, собраны в краях, где он побывал до основания Ликея. Наконец, сколь бы конкретный характер ни носили эти исследования, они, конечно,

проводились согласно с определенными теоретическими установками, так что надо смягчить слишком резкое разграничение теоретической и эмпирической направленности трудов Аристотеля.

Успеху гипотезы Йегера способствовало то, что она позволяла разрешить некоторые вопросы, связанные с двоякой природой произведений Аристотеля. Как объяснить существование двух настолько различных типов письма? Для чего потребовались Аристотелю экзотерические сочинения и «широкая публика»? Соответствуют ли эти два типа письма двум периодам жизни Аристотеля, или же оба стиля практиковались одновременно на всех этапах его философского пути? Напомним ответ Йегера, доминировавший в течение нескольких десятилетий: экзотерическое творчество относилось к первому периоду философского развития Аристотеля (пребывание в Академии и годы странствий) и было выражением его первоначального платонизма, предшествующего медленной эмансипации в личном и в теоретическом плане; по мере отхода от платонизма на первый план выдвигались разнообразные научные интересы. Эта интерпретация вызывает ряд возражений. Вот одно из них: первые сочинения Аристотеля в их нынешнем виде слишком фрагментарны, чтобы можно было реконструировать его ранние философские концепции. Далее, ничто не указывает на то, что тезисы, изложенные во фрагментах, имеющих в нашем распоряжении, — это тезисы самого Аристотеля, а не положения, которые он приводил, чтобы опровергнуть. К тому же, когда мы усматриваем в текстах Аристотеля ссылку на какое-то экзотерическое произведение, отсюда не следует, что это произведение было написано ранее текста, где оно упоминается; ведь такую отсылку могли добавить задним числом Аристотель или кто-либо из его учеников. Наконец, главное возражение таково: если датировать экзотерические тексты, связывая их с платонизмом, который они, как предполагается, иллюстрировали, круг становится очевидным: всякий текст, написанный в платоновском духе, по определению будет отражать первоначальное умонастроение Аристотеля. Итак, гипотеза о хронологическом делении трудов Аристотеля по стилю (экзотерическое творчество предшествует творчеству научному) при тщательном изучении текстов оказывается несостоятельной. Мы продемонстрируем это, не вдаваясь в излишние детали, на приме-

ре двух уже упомянутых выше произведений, от которых остались только фрагменты.

Евдем был написан Аристотелем в память о друге, Евдеме, после его кончины. Центральная мысль диалога — идея, что душа вечна и что жизнь, какую живут умершие, — наилучшая. Аристотель критикует здесь, в частности, тезис о душе-гармонии, согласно которому душа есть гармония, состоящая в равновесии телесных начал, — тезис, подробно обсуждаемый в платоновском *Федоне* (92 а–95 а). С помощью этой критики Аристотель хочет показать, что подлинное состояние души — состояние обособленности от тела и что душе дарована способность созерцания (фр. 59 Gigon = фр. 7 Ross: Филопон. *In De Anima*, 141, 22). Эти два положения, безусловно, противостоят идеям, развиваемым Аристотелем в замечательном трактате *О душе*, где раскрывается суть аристотелевской психологии. Но отсюда нельзя вывести ничего достоверного. Слишком фрагментарный текст *Евдема* не даст нам информации о том, каковы были тогда онтологические и эпистемологические воззрения Аристотеля и, главное, в какой мере эти воззрения были платоническими, — содержание речи и способ изложения во многом определялись литературным жанром утешения, в котором написан *Евдем*. Приведем еще одно соображение. По свидетельству Симпликия (фрагмент 8 комментария к *De Anima*), Аристотель рассматривал душу как некую идею. Трудно выяснить в таком контексте значение термина «идея», однако возможно, что употребление этого термина не соответствует платоновской дефиниции; из-за такой неопределенности трудно понять, следовал ли Аристотель в *Евдеме* платоновской концепции души, тем более что сам Платон не рассматривает душу как идею. Согласно свидетельству Цицерона, Аристотель в произведении под названием *О философии* заявил, что созерцание и познание — наивысшие виды человеческой деятельности. Однако можно считать установленным, что в сочинении *О философии* отголосков платоновского учения об идеях не больше, чем в *Евдеме*, хотя Аристотель, кажется, еще склонен использовать выражения и метафоры, восходящие к философии Платона. Так или иначе, маловероятно, чтобы Аристотель когда-либо безоговорочно принимал теорию идей. Плутарх и Прокл сообщают, напротив, что работа *О философии* содержала решительное опровержение этой теории. Александр Афродисийский утверждает то же самое отно-

сительно трактата *Об идеях*, приписываемого Аристотелю (подобное опровержение мы находим и в таком позднейшем тексте, как *Метафизика А*).

Натянутость гипотез Йегера наглядно показывает трудности, с которыми сопряжена всякая попытка представить и интерпретировать творчество Аристотеля в целом. С корпусом его сочинений дело обстоит иначе, чем с произведениями Платона: у нас нет хронологии произведений Аристотеля, установленной независимо от интерпретации их содержания. Главная причина этого заключается в том, что тексты Аристотеля не написаны в единой для каждого отдельного периода манере, так что их стилистическая характеристика нам ничего не даст. Нельзя вполне полагаться и на редкие исторические аллюзии, как и на внутренние ссылки, встречающиеся в его сочинениях, поскольку они могут быть результатом последующей правки. В общем, трудно датировать тот или иной пассаж из Аристотеля, не основываясь, в первую очередь, на его смысле и в какой-то мере на представлении о философской эволюции Аристотеля, которое наперед составил себе комментатор. Как отмечал уже Йегер, интерпретатор Аристотеля должен понимать, что круг здесь неизбежен. Сознавая это, некоторые историки в последние годы категорически возражают против генетического подхода к творчеству Аристотеля, и даже существует мнение, что надо оставить в стороне все вопросы, касающиеся эволюции или хронологии. Но это крайняя позиция. Хронологические исследования могут дать пусть и ограниченную, но верную информацию. Они позволяют определить, к примеру, относительный порядок книг, трактующих об одном и том же предмете или посвященных некоторой совокупности проблем. Благодаря хронологическому анализу мы можем с большой степенью вероятности утверждать об относительном предшествовании ряда текстов. Так, почти все исследователи полагают, что *Топика* (где теория силлогизма отсутствует) предшествует *Первой и Второй Аналитикам* (где разработана эта теория) и что трактат *О небе* предшествует *Физике VIII*. Однако у нас нет и не может быть ясного понятия об эволюции Аристотеля, так как Аристотель, по-видимому, обращался в одно и то же время к разнородным объектам рефлексии и практиковал различные стили письма. Современная критика склоняется к выводу, что Аристотель одновременно занимался многими предметами и, за исключе-

нием редких случаев, эти предметы могли обсуждаться в произведениях, созданных в один и тот же период, в разных стилистических манерах.

Вопросы, которые мы рассмотрели, влекут за собой определенную проблему: как надо представлять читателю столь изобильное творчество? Поскольку нет никакой возможности придерживаться хронологического порядка или соотноситься с достоверно установленной эволюцией, мы решили последовательно представить важнейшие области аристотелевской мысли. Но чтобы читатель сразу погрузился в сердцевину философской системы Аристотеля, вначале мы изложим две принадлежащие ему философские новации — теорию субстанции и теорию причинности. Это прояснит принципы аристотелевской критики платонизма.

СУБСТАНЦИЯ ПО АРИСТОТЕЛЮ: ФОРМА И МАТЕРИЯ, ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Основные вопросы, которые ставит Аристотель, — те же самые, какие мы находим в досократической философии и в определенной мере у Платона. Главная проблема — в чем состоит реальность или субстанция вещей (для ее обозначения Аристотель пользуется словом *ousia/οὐσία*¹). «И то, что издревле, и ныне, и всегда составляло предмет исканий и всегда рождало затруднения, — это вопрос о том, что такое сущее; этот вопрос сводится к вопросу: что представляет собою сущность? Именно о ней одни утверждают, что она одна, другие — что больше, чем одна, и {в последнем случае} одни утверждают, что она ограничена по количеству, другие — {что она} безгранична по количеству. А потому и нам надлежит главным образом, прежде всего и, можно сказать, исключительно исследовать, что такое сущее в этом смысле» (*Метафизика Z*, 1, 1028 b 2-4)².

Читая книгу *А Метафизики*, мы видим, насколько неудовлетворен Аристотель ответами предыдущих философов. Досо-

1. Греческое *ousia* в русских переводах Аристотеля принято передавать словом «сущность». Мы даем двойной перевод: в основном тексте — «субстанция», в цитатах — «сущность».

2. Первая фраза в этой цитате дана в переводе А. В. Кубицкого по изданию 1934 г. Дальнейшая часть — в его же переводе в серии «ФН».